

УДК 330.1; 330.8

Вахтина Маргарита Анатольевна

кандидат экономических наук, доцент, проректор
Поволжского государственного университета сервиса
тел.: (482) 22-91-74

**ВЛИЯНИЕ ОБЩИННОЙ ФОРМЫ
ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ
РОССИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ
СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ**

Исследовано влияние общинной формы хозяйствования на формирование российской концепции социальной справедливости. Определены основные факторы, оказавшие существенное влияние на ментальность российского хозяйственного деятеля на мезоуровне институциональной системы. Показаны российские особенности формирования институциональных ролей индивида по сравнению с западной традицией.

Ключевые слова: социальная справедливость, общинная форма хозяйствования, коллективная форма собственности, уравнилельный принцип, коллективная хозяйственная этика.

Vakhtina Margarita Anatolyevna

PhD in Economics, Associate Professor, Vice-Rector of
Volga Region State University of Service
tel.: (482) 22-91-74

**THE IMPACT OF COMMUNAL FORMS OF
MANAGEMENT ON THE FORMATION OF
THE RUSSIAN CONCEPT OF
SOCIAL JUSTICE**

The article observes the influence of communal forms of management on the formation of the Russian concept of social justice. The author determines the main factors that have a significant impact on the mentality of the Russian economic individual at the meso-level of the institutional system, describes the Russian features of formation of the institutional roles of the individual in comparison with the Western tradition.

Key words: social justice, communal form of management, collective ownership, egalitarian principle, collective management ethics.

Большое влияние на формирование российской концепции социальной справедливости на мезоуровне институциональной системы сыграла сначала поземельная, а затем сельская община. Отечественные и зарубежные ученые видели в сельской общине важнейшую производственно-экономическую структуру, долгое время определявшую характер производства в России. Кроме того, несмотря на происходящие исторические изменения, она оставалась долгие годы важнейшей формой социальной организации и самоуправления российского крестьянства. Под воздействием внешних условий – государственной политики, состояния экономики, аграрных реформ – сельская община видоизменялась, но не исчезала, вновь возрождаясь, даже в ходе Октябрьской революции и сразу после нее.

В чем специалисты усматривали причины живучести общинных форм хозяйствования, и прежде всего сельской общины в России? Во-первых, семейное хозяйство не могло обойтись без посторонней помощи. При существующем уровне технического развития, сильной зависимости производства от погодных условий, кооперация требовалась даже в собственном хозяйстве работника. Что касалось построения соответствующей инфраструктуры или освоения новых территорий, то здесь и вовсе нельзя было обойтись без коллективных усилий. Во-вторых, к объединению подталкивало сильное давление со стороны государства и крупных землевладельцев: объединившись, крестьянские семьи могли значительно успешнее отстаивать свои интересы. Третья причина была связана с высокой степенью эксплуатации крестьянских хозяйств, постоянным усилением фискального гнета и ростом повинностей [1, с. 600–601; 2, с. 5–59].

В этих условиях, во-первых, землевладельцу было выгодно поддерживать власть общины, поскольку за счет коллективной ответственности она обеспечивала сбор подушной подати, за которую с него спрашивало государство; во-вторых, государство было заинтересовано в сохранении общины, так как она помогала в гарантированном сборе повинностей и платежей. Чтобы обеспечить выполнение повинностей, государство возлагало на общины (и сельские, и городские) коллективную ответственность за уплату ее членами налогов и предоставление требуемых от них услуг. Те, в свою очередь, распределяли это бремя между отдельными хозяйствами согласно числу работающих мужчин, реагируя на происходящие изменения в хозяйствах, занимались (в случае необходимости) перераспределением выделяемых каждой семье земельных полос. Община тем самым выступала гарантом нормального функционирования и воспроизводства семьи, тем институтом, который в трудных условиях обеспечивал ее физическое выживание и выполнение повинностей. Во многом поэтому у русских крестьян сформировалось устойчивое представление о двухуровневом предназначении крестьянской собственности и вытекающих из нее правоотношений – семейно-потребительском и тягловом, рас-

смаатриваемом в контексте сословной службы. Причем тягловому предназначению отдавался приоритет, оно признавалось необходимым и достаточным, в то время как семейно-потребительское – только необходимым [3, с. 94]. Несмотря на то что конкретно-исторические формы налогообложения менялись, такое представление сохранялось и проявлялось в мотивации социально-экономического поведения крестьян. Они считали необходимым в первую очередь рассчитаться по налогам, поэтому тяговые требования власти, которые подрывали воспроизводственный потенциал хозяйств, переживались ими наиболее болезненно [4, с. 93]. Община строго следила за выполнением общественных обязательств и не допускала семейно-хозяйственных разделов и имущественных сделок, в результате которых создавалась угроза утраты тягоспособности крестьянских дворов. Таким образом, в представлениях российского крестьянства, которое составляло подавляющую часть работающего населения России (а впоследствии населило города), прочно закрепились представления о служебном характере труда и приоритете выполнения общественных обязанностей.

В период столыпинской реформы община, получившая статус юридического лица, также стала своего рода поручителем государства. Хотя Манифест об отмене крепостного права дал помещикам гражданские (хотя и ограниченные) права, а также возможность приобретать любую собственность, многие полномочия и земля были переданы общине. Это было сделано главным образом для того, чтобы обеспечить исполнение крестьянами их налоговых обязательств перед государством – уплаты подушной подати, а также «выкупных платежей», причитающихся правительству за то, что оно возместило помещикам утрату земель. Медленное укоренение собственнического начала в крестьянской среде и приверженность к общинной собственности на землю в период столыпинской реформы во многом было обусловлено ухудшением положения общины, и в первую очередь тяжестью выкупных платежей. Именно поэтому воспользоваться возможностью образования отдельного семейного хозяйства в период реформ смогли немногие, а надежды создать многочисленный класс самостоятельных сельских хозяев не оправдались. Центральным пунктом столыпинской аграрной реформы была замена собственности семейно-трудового коллектива (она должна была исчезнуть вместе с общинной) собственностью домохозяина, которую только и можно было в полной мере считать частной собственностью. Однако эти планы не были реализованы, так как значительная часть крестьянства их не поддержала. Частная собственность домохозяина на землю в глазах крестьян означала или быстрое измелчание земельных наделов, так как пропадала возможность перераспределения земли внутри общины, или введение единонаследия, что вело бы к нарушению привычного равенства членов семьи и обеднению отдельных ее членов. Поэтому важнейшей чертой сельской общины на долгие годы осталось верховенство коллективной общинной собственности над собственностью индивидуальной, что существенным образом отразилось на представлениях российского хозяйственного деятеля о социальной справедливости.

Другой особенностью общинного землевладения была связь последнего с трудовым принципом, так как это обеспечивало реальное осуществление права каждой крестьянской семьи на труд, а следовательно, на физическое выживание. А поскольку труд рассматривался в качестве первоисточника имущественных прав, то собственность на землю связывалась только с вложенным трудом. Получалось, что если земля никем не создана, то собственностью в настоящем смысле она быть не может. Таким было отношение не только к земле, но и к ее недрам – полезным ископаемым. Нерукотворные объекты собственности присваивались работниками в меру хозяйственных потребностей и трудовых усилий, поэтому приобретали в глазах людей определенную неприкосновенность. При этом специалисты отмечают, что крестьянское самосознание отвергало мысль о том, что земля может быть ничейной. Земля не «ничья, а Божья, государственная, мирская». Именно этот тезис как нельзя лучше помогал крестьянину удерживать свою землю и оберегать ее от хищнического использования со стороны феодалов и нарождающихся капиталистов [5, с. 188].

Следствием массовых представлений о труде как о первоисточнике имущественных прав стало отрицательное отношение к использованию земли в качестве капитала, источника обогащения и эксплуатации наемного труда. (Эти качества послужили в дальнейшем индикаторами для определения кулака.) Труд на земле и присвоение земли для осуществления трудовой деятельности оставались для крестьянина «высшей правдой и справедливостью», собственность же была не капиталом, приносящим доход или прибыль, а, во-первых, средством пропитания и, во-вторых, средством исполнения обязанностей перед государством. Эти факторы предопределили ключевые элементы российской концепции социальной справедливости, связанные с представлениями о трудовом характере собственности.

Отношение к собственности, ее связь с трудовым принципом стали благоприятной почвой для реализации принципа уравнительности. Р.М. Нуреев и Ю.В. Латов, рассматривая общинный коллекти-

визм как важную черту российской крестьянской общины, приводят данные американского экономиста Д. Филда о коэффициенте Джини распределения наделной земли (свидетельствующего о степени дифференциации земельных наделов), который почти во всех уездах России составлял только порядка 0,3–0,4 [6, с. 347]. Принцип уравнительности, хотя и замедлял развитие товарно-капиталистических отношений, смягчал нищету и обеспечивал физическое выживание работников, прежде всего крестьянских семей в рамках сельской общины. А. Кауфман, в частности, утверждал, что принцип традиционной русской общины – «принцип равенства всех перед землей» опирается на первоначальную идею единства общины и равенства, прав каждого члена на соответствующую долю общинной земли [7, с. 1–2, 169]. Уравнительно-передельный механизм сельской общины укреплялся по мере роста населения, сокращения фонда пригодных для обработки земель и сложности их обработки [8, с. 264–265, 128, 149]. Уравнительные отношения на мезоуровне институциональной системы, важнейшей частью которого выступала крестьянская община, способствовали развитию уравнительного принципа в содержании российской концепции социальной справедливости.

Немаловажным фактором стало то, что община была не только экономическим институтом, но и социальным. Она брала на себя функции «социального обеспечения»: призрение малолетних крестьянских сирот, содержание одиноких и престарелых. Широко практиковалась коллективная помощь крестьянам, пострадавшим от стихийных бедствий, при постройке дома, сельскохозяйственных работах. Крестьянская этика не допускала отказа со стороны какого-либо из членов общины от участия в коллективной помощи односельчанину, оказавшемуся в тяжелой ситуации. Кроме того, община оставалась важнейшей ячейкой самоуправления на селе. Эти факторы предопределили то положение, что крестьянская община стала своеобразным миром, который обладал многими функциями, сходными с государственными, и мог выживать в самых неблагоприятных условиях. Эти факторы способствовали усилению социальной составляющей в экономических отношениях, особенно на уровне предприятия (мезоуровне институциональной системы) и повлияли на представления людей об обеспечении социальной справедливости.

Сразу после Октябрьской революции крестьянская община оказалась полезной как для самой власти (так как она обрела роль революционно-демократической организации в борьбе против самодержавно-помещичьего режима и могла обеспечить обязанности по уплате налогов за счет привычного механизма коллективной координации), так и для крестьян, поскольку отражала их представления о должном. Приоритетность собственности двора и отрицание частной собственности домохозяина было одной из главных идей революционного правосознания, нашедших выражение во всех основных земельных законах Советской власти, начиная с Декрета о земле. Общинные корни проявлялись в привычной ценности прямого самоуправления села, в абсолютном приоритете трудового пользования землей – равенстве прав на землю всех, кто ее обрабатывает своим трудом. Но хотя работы по «усовершенствованию» общины велись после революции довольно широко, должной поддержки со стороны советского государства они не получили. Внимание новой власти было приковано к строительству коммунистических форм хозяйствования, которые противостояли старой общине с ее мирским самоуправлением и семейно-трудовым хозяйством. В советский период община была заменена колхозами, которые сохранили у многих работников ощущение коллективной защищенности. Уже к концу 1920-х гг. были национализированы все сельскохозяйственные угодья, объединены общинные наделы, а десятью годами позже законодательно закреплены отработочная, натурально-продуктовая и денежная повинности.

Признаки общинных форм хозяйствования имели место не только на селе, но и в промышленности. Одной из форм хозяйственной промышленной организации в России была артель, которую Герцен называл «передвижной общиной». Артель представляла собой союз лиц, имеющих равные обязанности, пользующихся одинаковыми правами, участвующих в общем ведении промысла своим трудом, она стала одной из первых сугубо российских форм рабочего самоуправления на предприятиях, где присутствовали взаимопомощь и солидарность. В то же время такая более характерная для капитализма форма объединения работников, как кооперация, широкого распространения в России не получила, хотя кооперативы и начали повсеместно возникать (особенно на свободных землях). Вопрос о соотношении крестьянской общины и кооперации до сих пор в среде ученых остается спорным, но большинство из них придерживаются мнения о том, что кооперация имела безусловные особенности по сравнению с общинной формой организации. В отличие от нее кооперация не возникала органически, в нее вступали сознательно и добровольно для достижения определенных, прежде всего хозяйственных целей (совместного производства, переработки, приобретения, сбыта продукции, сырья, дешевого кредита), поэтому она давала большую степень экономической свободы и больше отвечала духу классического капиталистиче-

ского производства. И хотя формально многие стороны деятельности кооперации и общины не различались, в сущности, коллективизм и взаимопомощь, способы управления, характер членства и другие параметры этих организационно-хозяйственных форм имели значительные различия.

Господство общинных форм хозяйствования в России в течение долгих лет предопределило приоритет коллективной хозяйственной этики над индивидуальной. Для западной традиции было характерно иное – единение совести и индивидуальной деятельности, когда непосредственным носителем совести и морали выступает отдельный человек, а субъект деятельности и носитель совести совпадают в одном лице. Поэтому западная традиция видела в индивиде «центр морально-политического устройства, источник деятельности, трансцендентального субъекта, наделенного трансцендентными правами» [9, с. 145, 148]. Наиболее последовательно вопросы становления индивида как носителя нравственной (совестливой) деятельности в процессе развития современного капитализма были исследованы М. Вебером применительно к протестантской этике [10]. Высокая оценка индивидуальной идентичности, большое внимание к индивидуальной деятельности и сознанию способствовали формированию новой системы обязанностей, основанной на индивидуальной совести, нового типа сотрудничества, имеющего консенсуальный характер, которые получили развитие в Западной Европе. Следом за пересмотром системы взаимоотношений начался пересмотр организационных структур, опосредующих межличностные взаимодействия (в частности, получили развитие договорные отношения).

В отличие от этого, для России оставалась характерной сильная приверженность к коллективным ценностям, основанная на слабой функциональной дифференциации и институционализации функций, а также высокая оценка коллективной солидарности и общности. При этом было бы неправильным утверждать, что влияние коллективной социальной общности в современном западном обществе полностью утратило свое значение, тем более что исторически источник добродетели проистекал именно из публичной сферы.

В своем идеале коллективная хозяйственная этика дореволюционной общины подразумевала соборность. Будучи по существу христианской православной этикой, она основывалась не на страхе, а на любви, на приоритете духовного над материальным и одновременно выступала своеобразным заменителем норм права, так как правовые отношения в том виде, в котором это было характерно для римского права, должного развития в России не получили. С.Н. Трубецкой усвоив концепцию «всеединства» В.С. Соловьева, интерпретировал соборность как совпадение религиозного, нравственного и социального начал, противостоящее как индивидуализму, так и ограниченному коллективизму. Все теоретические подходы к объяснению специфики соборности объединяет главное – соборность означает не какое-либо механическое объединение людей во имя исполнения той или иной задачи, а органичное единение, «братство во Христе», которое наиболее последовательно интерпретировал известный русский философ Франк [11, с. 67]. Так как соборность рассматривалась как следствие свободного человеческого начала, выражение «свободы духа человека», то в ней присутствовала активная сторона совместного взаимодействия, соседская взаимопомощь, самоуправление, служение. В своем идеальном значении соборность не умаляет свободу личности, которая связана с другими свободными личностями не принудительно, не просто в силу необходимости, а узами любви. В этом смысле соборность не равнозначна коллективизму («механическому» соединению «дальних», по Н. Бердяеву), а в известном смысле даже противоположна ему, так как коллективизм, не связанный с духовностью, заменяет собой нравственный центр, совесть, способность к самостоятельным суждениям и оценкам [12, с. 234, 245]. Такой коллектив как бы становится над человеком, может подавлять личность и превращать ее в безвольную часть целого, заменять собой совесть и ответственность человека за совершенные поступки. Механистический коллективизм делает реальной угрозой того, что блага (это может быть общественное благо) получают независимое от индивида существование, когда они ему навязываются. В таком случае не остается места потенциальному компромиссу или согласованию отдельных интересов, поскольку людей можно заставить поверить в то, что именно так и нужно поступать, что это и есть настоящее благо. Такая позиция помещает конечный источник ценности за пределы той области, в которой участники процесса могут сами эффективно выражать свои предпочтения, поэтому является одновременно «и авторитарной, и антииндивидуалистической» [13, с. 79, 84].

Однако не стоит считать конкретные формы общинных отношений, которые имели место в дореволюционной России, универсальными и идеальными, как это делали славянофилы. Общинные отношения не отменяли той формы коллективизма, которая подавляла личность (но они и не вытекали из него). При сохранении коллективного принуждения и притеснения индивидуального начала крестьянская община не позволяла выйти наружу негативным сторонам, выражающимся в антиобщественном поведении. Общинные отношения способствовали сохранению коллективных ценностей,

выражающихся в сопричастности индивида к делам и интересам коллектива, солидарности, сотрудничестве, взаимопомощи, и заключали в себе большой позитивный потенциал. Это позволяло многим ученым и общественным деятелям XIX и начала XX в. рассматривать общину как способ переустройства российского общества на началах коллективизма и социальной справедливости.

Советские трудовые коллективы периода административно-плановой системы продолжали выполнять важные социально-экономические функции, но в отличие от коллективной хозяйственной этики общины, этика советских коллективов опиралась на классовую идеологию коммунизма. Они дисциплинировали личность, несли коллективную ответственность, брали на себя функции социальной защиты тех, кто в этом нуждался (пусть даже иногда в крайних формах). Коллектив с его групповой ответственностью (будь то сельская община, артель, ремесленная или торговая гильдия, семья или трудовой коллектив советского предприятия) был способен повысить результаты труда, ассимилировать слабых членов, нейтрализовать их или позаботиться о них. Правильное сочетание индивидуальных стимулов и коллективных устремлений по-прежнему демонстрирует поразительные примеры экономической эффективности. Однако непрочная этическая основа грозит регрессом коллективной этики (который немецкий исследователь Эрих Нойманн называл «повторной коллективизацией») и может привести к распаду традиционных групп, возвращению к первобытной групповой идентичности, которая не предполагает никакой личной ответственности [14]. В этом ученые видят реальную угрозу полного распада доверия и возврата к прошлому, связанному с «феодализацией жизни», когда людей уже не связывает духовная близость, основанная на общности «сильных» оценок, и они начинают представлять потенциальную угрозу друг для друга [15, с. 200–201].

Таким образом, влияние общинных форм хозяйствования на российскую концепцию социальной справедливости выразилось в приоритетности выполнения общественных обязательств; в приоритете коллективных форм собственности перед частной собственностью домохозяина и коллективных форм хозяйствования относительно индивидуальных; в отрицательном отношении к использованию земли в качестве капитала и источника обогащения; в уравнительном принципе владения землей и распоряжении результатами труда; в неразрывном единстве экономических и социальных задач. Эти представления были обусловлены особенностями экономического развития России, они прочно закрепились в сознании россиян и могут меняться только по мере изменения условий, породивших их.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Чичерин Б.Н. Обзор исторического развития сельской общины в России // Русский вестник. 1856. Т. 1, кн. 2.
2. Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. М., 1858.
3. Кучумова Л.И. Сельская община в России (вторая половина XIX в.). М., 1992.
4. Большаков А.М. Деревня после Октября. Л.: Прибой, 1925.
5. Карелин А.А. Общинное владение в России. СПб., 1893.
6. Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Россия и Европа: Эффект колее (опыт институционального анализа истории экономического развития): монография. Калининград, 2010.
7. Кауфман А.А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М., 1908.
8. Качоровский К.Р. Русская община. М., 1906.